

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П83

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 163

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

П83 Протасов, Сергей Альбертович

Цусимские хроники: Чужие берега : роман / Сергей Протасов. — Москва: Издательство АСТ ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 480 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-117646-4

Пусть все получилось не совсем так, как планировалось, но все же действия, предпринятые Рождественским после прорыва эскадры во Владивосток, оказались успешными. Но этого мало...

Враг не сдаётся. И воевать дальше по принципу «сила силу ломит» уже нельзя. К тому же, несмотря на все победы, в столице много тех, кто считает, что достались они слишком дорогой ценой. Но останавливаться на достигнутом тоже нельзя!

В этой ситуации Тихоокеанский флот вынужден искать новые способы ведения морской войны. Не имея возможности одолеть противника в прямом противостоянии, приходится искать его уязвимые места и бить только по ним. Теперь определяющим становится не «кто кого побьёт», а «кто кого передумает».

И все пути снова ведут к Цусиме.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-117646-4

© Сергей Протасов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД

...Еще три часа мы плясали
Под музыку взрывов!
И шли броненосцы проливом,
Волна за волной!
И тряпки шипели на раскаленных стволах
Всех калибров!
Казалось нам,
Целую жизнь продолжается бой!

Слова из песни

Глава I

Уже спустя два дня после боя у Цусима-зунда русские достаточно надежно обосновались на Цусиме. Все населенные пункты, находящиеся почти исключительно в прибрежных бухточках, были прочесаны пехотой и десантными отрядами с кораблей. При этом удалось взять живьем только двоих совсем юных мичманов, найденных ранеными в хижинах рыбаков в бессознательном состоянии, да нескольких рядовых из пехоты и матросов, пытавшихся укрыться у местных жителей.

Не менее трех десятков японских солдат и несколько младших пехотных офицеров были убиты в перестрелках, порой вспыхивавших в ходе осмотра деревень, или покончили с собой, чтобы не попасть в плен. Наши потери оказались больше, так как всячески старались не задеть местных, из-за чего нарывались на выстрелы из-за угла.

По причине явной малочисленности гарнизона было очень важно добиться максимальной лояльности мирных жителей, ведь некоторые из них еще наверняка помнили давние визиты русских кораблей. Благодаря этому имелись шансы наладить добрососедские отношения. Старожилы могли сравнить их с визитами тех же англичан. Отличия в стиле ведения переговоров у наших моряков и у «просвещенных мореплавателей» тогда были весьма

серьезными^{1*}. Правда теперь англичане — союзники Японии, а мы — враги, так что, как поведут себя подданные князя Со, еще было неизвестно.

С аборигенами в любом случае предстояли сложности, связанные с неизбежным ограничением их мореходства, вызванным соображениями секретности. Из-за гористого рельефа островов, делавшего пригодным к земледелию лишь незначительные участки земли в долинах и на некоторых склонах, кормились здешние жители преимущественно рыбой и всем прочим, что добывали в море. Теперь же рыболовство разрешалось только во внутренних акваториях, уверенно контролируемых с разворачиваемой сети сигнальных постов.

Недостаток в продуктах питания, который при этом обязательно должен возникнуть, предполагалось компенсировать крупами и зерном. Однако из-за больших потерь в грузах этот вопрос еще только предстояло решить в перспективе за счет трофеев с перехваченных в море судов или за счет подвоза из Владивостока, либо перенаправления части судов со снабжением, шедших на Дальний Восток из Европы и Азии на новые земли.

Береговая черта Цусимы большей частью извилиста, с множеством бухт, бухточек, прибрежных ущелий и гротов, весьма сложная для контролирования. С моря из-за рядов невысоких гор с круглыми, плотно заросшими лесом вершинами Цусимские острова напоминают спину спящего древнего азиатского дракона, какими их изображают китайцы и японцы. Но благодаря нескольким доминирующим и приметным вершинам, с моря ориентироваться довольно просто.

Ничего особо примечательного в ходе осмотра территории обнаружено не было. Как и следовало ожидать, от основанного экипажем корвета «Посадник» более четырех десятков лет назад русского поселения в бухте Имоса-

* Комментарии даны в конце книги.

ки почти ничего не осталось. Склады леса давно израсходовали на свои нужды местные, а изрядно обветшавшие бараки использовались время от времени рыбаками, не утруждавшими себя их ремонтом и ограничивавшимися лишь латанием крыши. Видимо, совершенно иная конструкция всего строения, не вписывающаяся в местную архитектуру, пришлось им не по душе.

Вообще же архитектура во всех поселениях Цусимы оказалась откровенно бедной, даже можно сказать, убогой. Причем это не только в рыбацких деревушках или поселках, но и в довольно крупных городках. Хоть какой-то интерес среди массы преимущественно деревянных местных строений вызвали величественные древние противопожарные стены столицы княжества Цусима Идзухары. Возведенные бог знает сколько веков назад из камня, они должны были предотвращать распространение огня между кварталами.

Несмотря на изрядную запущенность и кажущуюся ветхость, эти сооружения, широко использовавшиеся японцами при обороне последнего их оплота на Цусимских островах, выстояли даже под огнем современной артиллерии, в том числе и флотских калибров. Хотя, конечно, не без ущерба. Все-таки выдержать прямое попадание двенадцатидюймовой стальной бомбы, выпущенной всего с двух миль, не способна даже бетонная стена, не то что старая, размытая дождями и раскочанная растительностью, каменная кладка.

Сама бухта, на берегах которой расположена Идзухара, небольшая, но довольно живописная. Она имеет сравнительно широкий вход, более трех кабельтовых между мысами Торасаки и Яразаки, нависающими над водой крутыми густо-зелеными сопками. Причем южный мыс, Торасаки, гораздо массивнее.

От входа виден круто поднимающийся вверх западный берег бухты, с возвышающейся над ним горой. И только войдя в нее саму, открываются южный и север-

ный рукава, заканчивающиеся небольшими долинами впадающих в бухту рек, отгороженных от моря рядами горюшек. Северная река по местным меркам довольно крупная. В ее устье и находится Идзухара. Еще одна, гораздо меньше, с юга. Там тоже какое-то селение, даже с несколькими улицами, неизменно выходящими к деревянным пристаням. Расстояние между этими устьями чуть меньше мили.

Благодаря своей форме и высоким гористым берегам, бухта напоминает миниатюрный фиорд. Вода почти пресная. Много рыбы, довольно крупной, буквально высывающейся из воды. Но самой главной достопримечательностью этой гавани, несомненно, стал затонувший за мысом Торазаки японский пароход, потопленный нашими подводниками. Его борта с полностью облешей краской и прогнувшиеся от жара бимсы, оставшиеся от палубы после того, как ее деревянный настил сгорел, буквально притягивали к себе внимание всех русских, кто появлялся здесь. Но их было не много. Основная жизнь кипела в Озаки и Такесики.

У входа в Цусима-зунд развернули серьезные строительные работы. Уцелевшую пару 240-миллиметровых пушек привели в полный порядок, оснастив дальномером системы Петрушевского с современной связью. Орудийные дворники тщательно замаскировали и защитили траверзными и тыловыми прикрытиями из бревен, покрытых железом, и такой же крышей. Подобную защиту получили и пути подачи боезапаса с командным постом.

Не став восстанавливать остальные японские батареи, доказавшие свою низкую эффективность, матросы и саперные части пехоты в кратчайшие сроки отрыли котлованы в каменистом грунте и соорудили деревянные основания под шестидюймовые пушки системы Канэ, доставленные на борту пароходов «Калхас» и «Джина». К вечеру 22 июня они уже закончили установку шести таких орудий на вершине холма у мыса Камасусаки. Их позиции

разместили таким образом, чтобы обеспечить максимальные углы обстрела в направлении от северо-восточных до южных румбов, откуда могли появиться японцы. Часть пушек вообще имела круговой сектор обстрела.

Пробные залпы этой батареи, прогремевшие в вечерних сумерках, были замечены с японского дозорного крейсера «Акаси», державшегося в восьми милях западнее. Об этом он по радиотелеграфу сообщил в Фузан и Мозампо, а уже оттуда, снова по радио, была извещена крепость Бакан, а через нее и Главная Квартира. Все эти телеграммы, перехваченные нашими станциями, были разобраны довольно быстро.

Японцы не знали, что орудия стояли на позициях, обнесенных временными брустверами из валунов и мелкого камня, сложенными безо всякого раствора, не имели погребов боезапаса, жилья и укрытий для расчетов, а командный пункт размещался в небольшом окопчике, обложенном булыжниками и прикрытом сверху навесом из жердей и парусины. Зато имелся полноценный дальномер и телефонная связь с сигнальными постами и соседними позициями береговой обороны. В случае необходимости можно было напрямую связаться даже со штабом.

К обеду следующего дня отстреляла пробные залпы такая же батарея на мысе Гоосаки. Сразу занялись составлением таблиц согласования взаимодействия с трофейной тяжелой батареей, для пушек которой под завалами нашли японские пристрелочные карты. Развернутые у самого уреза воды трехдюймовые противоминные батареи были готовы к открытию огня еще раньше. В дальнейшем велись активные работы по обустройству и усилению этих позиций.

Кроме того, под четыре 120-миллиметровые пушки и три трехдюймовки с «Изумруда», которые удалось восстановить после взрыва и пожара, начали сооружать батарею на мысе Эбошизаки, для прикрытия входа в Цусима-зунд и рейда Озаки.

«Владимир Мономах» обзавелся, кроме противоторпедной защиты, еще и импровизированным волноломом из двух выгоревших небольших каботажников, затопленных у его борта со стороны моря. Их корпуса заполнили камнем, а загораживавшие обзор надстройки срезали. На палубах крейсера из мешков с песком и колосников устроили дополнительные прикрития орудий, отчасти компенсировав так и недополученные в ходе модернизации щиты. Подобную защиту получили пути подачи боезапаса, пожарные магистрали и другие боевые посты. Поскольку плотно сидящий на грунте почти без крена крейсер был теперь не восприимчив к перегрузке, баррикады соорудили вполне основательные. Материала для этих работ на берегу было достаточно.

Командир был отправлен в госпиталь, развернутый в Озаки, и быстро шел на поправку. Правда, обратно на корабль не рвался. Командовал «Мономахом» теперь старший офицер капитан второго ранга Ермаков. Под его руководством провели основную и резервную телефонные линии для связи с берегом и штабом, согласовали взаимодействие с остальными батареями, а также выполнили ремонт фундаментов всех вновь переставленных шестидюймовок.

Выяснилось, что их детали, выполненные в строгом соответствии с чертежами, частично были собраны на болты. Ими наживляли всю конструкцию до окончательной сборки. После резьбу предполагалось заменить клепками, но по недосмотру в спешке этого не сделали. От выстрелов гайки быстро слабели, из-за чего весь фундамент терял устойчивость.

Поскольку испытания артиллерии после ремонта ограничились несколькими залпами на предельных углах возвышения орудий, не выявивших остаточных деформаций, своевременно это обнаружено не было. Только после боя, когда стали выяснять причину появившихся при стрельбе вибраций, все вскрылось. Заменить болты

клепками сейчас возможности не было, так что все гайки просто протянули заново, законтрогаив для надежности.

Инцидент, имевший место на мостике «Урала», огласке не предавали, указав в документах причину гибели командира крейсера «осколок снаряда». Но на совещании штаба, посвященном этому вопросу, заслушав свидетелей, решили в дальнейшем в приказном порядке обязать всех командиров кораблей проходить регулярное психологическое обследование. Командовать «Уралом» поставили бывшего старшего офицера погибшего «Изумруда» капитана второго ранга Паттон-Фаттона-де-Верайона, чье ранение в руку оказалось не опасным.

На входе в бухту Миура, на северной и южной оконечностях острова Коросима, в кратчайшие сроки развернули противоминоносные батареи из скорострельных 75-миллиметровых флотских пушек с круговым сектором обстрела. Устроили защитные боны, а на обращенных к Цусиме склонах — батарею поддержки из восьми старых 107-миллиметровых пушек на переделанных под большие углы возвышения станках и другие укрепления.

Подходы пристреляли со всех позиций, что позволяло встречать приближающегося противника сосредоточенным огнем еще до того, как он сможет наблюдать расположение орудий. Фортификации района Миура находились под единым командованием мичмана Панаева с крейсера «Россия». Они защищали стоянку барж с углем, водой и бензином, организованную в глубине бухты, которой постоянно пользовались наши миноносцы и подводные лодки.

Батареи Миура дважды отражали попытки прорыва японских легких сил на внутренний рейд бухты. При этом юный мичман, едва закончивший обучение в Морском корпусе, но успевший досконально изучить «Последние наставления по управлению артиллерийским огнем с использованием современных средств связи», изданные очень ограниченным тиражом кустарным спо-

собою во Владивостоке после прихода флота, блестяще показал себя как организатор мобильной береговой обороны.

Используя для отражения нападений огонь не только задействованных в бою позиций, но и с противоположного прорыву мыса, он добивался сосредоточения массированного огня скорострельной артиллерии всеми имевшимися в распоряжении видами боеприпасов, исходя из ситуации, на наиболее опасных направлениях. В результате его действий у японцев сложилось мнение, что в бухте Миура несут дежурство крупные корабли, усиливающие береговую оборону этой передовой базы, что не позволило в итоге проникнуть на ее внутренний рейд.

Протока Кусухо была надежно заперта противодесантной батареей, размещенной на ее повороте, в ложбине. Это делало позиции артиллеристов недоступными для огня с моря, позволяя в то же время простреливать с прямой наводки продольным огнем отрезок протоки, длиной почти полмили. Этот участок считался непреодолимым еще и потому, что был перекрыт тремя рядами надежных минированных боновых заграждений, разводимых при необходимости дежурным катером.

С развертыванием береговой обороны получившие значительные повреждения большие эскадренные броненосцы вывели в резерв и поставили в ремонт. Предварительные проекты восстановления для каждого из пострадавших кораблей были подготовлены заранее. Также предварительно начали заготовку материалов и всего необходимого, используя привезенный с собой задел и трофейные запасы. Поэтому работы сразу развернулись в полную силу и продвигались весьма успешно.

Поскольку основной набор корпуса не пострадал, ограничились восстановлением дымоходов, систем вентиляции котельных и машинных отделений, а также артиллерии. Пробоины в бортах заделывали наложением заплат из тонких стальных листов внахлест, без замены

поврежденных участков обшивки. Внутренние ремонтные работы сводились к восстановлению герметичности водонепроницаемых переборок, дверей, люков и горловин, для чего широко применяли бетон. На большее не было времени, да и возможности «Камчатки» и отбитых у японцев портов были далеко не безграничны.

Левое машинное отделение на «Бородино» полностью восстановили, благодаря круглосуточной работе машинной команды броненосца и специально сформированной бригады базы Озаки. Поскольку, своевременно остановив машину, удалось избежать серьезного повреждения ее трущихся частей попавшими осколками, трудоемкой полной разборки не потребовалось. Полностью очистить ее от посторонних предметов, частично перебрать, подогнать и притереть все сопрягаемые движущиеся части удалось уже через трое суток. А спустя еще девятнадцать часов машину отладили как швейцарские часы.

Броненосцы Небогатова и Йессена, сохранившие боеспособность, использовали сначала как подвижный резерв, но в море они почти не выходили и приняли участие лишь в подавлении остатков японской обороны на островах; после этого три дня занимались переборкой механизмов, стоя на рейде Озаки, рядом с плавмастерской «Камчатка». К этому времени оборону входа в Цусимазунд уже полностью возложили на новые береговые батареи и «Мономаха».

Боезапас на всех кораблях был принят по усиленной норме, что почти полностью исчерпало запасы для скорострельной артиллерии на борту «Анадыря». Тяжелых снарядов также оставалось совсем немного. Двенадцатидюймовых только 56 штук. Из них почти половина сегментных. А десятидюймовых — 72 бомбы закаленного чугуна да полсотни сегментных. Полноценные бронобои и фугасы для «ушаковцев» все были уже в погребах броненосцев. Зато девятидюймовых для второстепенного калибра «Николая» после восполнения убыли оставался

еще почти полный комплект. Но это исключительно благодаря тому, что перед выходом из Владивостока исполнили приказ наместника на получение дополнительного боезапаса с девятидюймовых мортирных батарей, изъяз оттуда абсолютно все найденные современные стальные фугасы.

Сложности с дальнейшим наполнением погребов становились очередной потенциальной проблемой, каких уже набирался целый ворох. Существенного пополнения снарядного парка ждать в ближайшее время не приходилось, поскольку, покидая базу, из арсеналов было взято все до железки, что предназначалось флоту, и большая часть того, что флоту не предназначалось, но могло быть им использовано.

Это было совершенно необходимо, поскольку интенсивные артиллерийские учения во время стоянки в базе обошлись почти в четыре тысячи шестидюймовых выстрелов только из скорострельных пушек, что вылилось в итоге еще и в замену артиллерии главного калибра «Богатыря». Кроме того, были расстреляны до упора почти половина орудий среднекалиберных батарей «Наварина» и «Нахимова», стоившие еще почти трех с половиной тысяч шестидюймовых снарядов и восьми стволов старых шестидюймовок. Для их замены были взяты пушки с разоруженных барж-плавбатарей.

Это далеко перекрывало темпы подвоза орудий и боекомплектов по железной дороге. Возобновить в полном объеме артиллерийские запасы крепости в ближайшее время совершенно не представлялось возможным. Единственная железнодорожная ветка, связывавшая Дальний Восток с Россией, была не в состоянии обеспечить соответствующее снабжение армии и флота, начавших наконец воевать в полную силу. Однако такой фантастический перерасход боеприпасов позволил в кратчайшие сроки поднять до нужного уровня выучку артиллеристов на эскадре, что наглядно продемонстрировали последние

события. Но об истраченных тысячах снарядов и приведенных этим без боя в негодность «почти полусотне» орудий стало быстро известно в столице, что вызвало массу гневных депеш из-под шпика и из артиллерийского комитета.

В них едва не дошло до прямого обвинения в саботаже. Теперь где-то в пути была специальная комиссия, назначенная для расследования этого вопиющего случая расточительства в военное время. От прямого отстранения от должности и ареста Рожественского, по сути, спасло только возобновившееся наконец, причем весьма успешно, продолжение кампании.

Столько событий произошло после выхода эскадры с Балтики, а конца войне все еще не видно... Год назад казалось, что стоит дотянуть до Аннама эту армаду, и японцы пойдут на переговоры о мире. Сам Рожественский был в этом уверен и своей задачей считал именно обеспечить переход. Воевать он не собирался. Впрочем, тогда он был совершенно другим человеком.

Кто-то из древних сказал: «Хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах!» Получив категорический приказ, воевать все же пришлось. Хорошо еще опомнились в дороге да готовиться начали. Повезло, конечно, что японцы дали до себя дотянуться. Прорвались во Владивосток. Но и этого оказалось мало.

Даже теперь, когда, собрав все оставшиеся силы, снова надавали японцам по морде, они не сдаются. Все предвоенные доктрины летят псу под хвост. Планы штабов, уже новые, казавшиеся абсолютно безупречными и логичными, не срабатывают. Враг стойко держит удар за ударом, а силы тают! Не хватает всего!

Новый наместник императора на Дальнем Востоке потерял всякую надежду найти взаимопонимание в верхах. Все его прежние связи перестали действовать. А завистливых взглядов и злобного шипения за спиной становилось только больше. Причем не только в столице, но